

НОЛИКИ любят ставить крестики. Потом вешают на них кофточку. Раздеваются, ложатся, спят. А крестики так и стоят до утра, боясь пошевелиться. Поэт — это и есть крестик, на который повесили кофточку. И он стоит всю ночь, боясь пошевелиться. Даже думает осторожно, полупшепотом. Зато в рифму.

«Зачем вас распяли, дядя?»

«Чтоб в прятки водить, дитя.

Люблю сквозь ладонь

подглядывать

в дырочку от гвоздя».

Микрофонный человек, символ Политехнического и шестидесятых, Андрей Вознесенский с его знаменитым и найвным — голова по-детски вскинута вверх, а зал затаил дыхание — «Айда в кино!», — автор советских и антисоветских поэм, рок-опер и песен, друг и знакомый всех западных и отечественных знаменитостей, — превозносимый, ненавидимый, награждаемый, осужда-

Андрей Вознесенский.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

«МЕНЯ ЗОВУТ — XX ВЕК»

Андрею Вознесенскому 65 лет

Необходимая газета, 1998. — 12 мая. — с. 7
мый... Андрей Вознесенский был прав, когда, подобно Названному себя гением Игорю Северянину, восклицал: «Меня зовут — XX век». Ну, может быть, не весь XX, а только вторая половина, но все равно — в стране, где стихи заменяют и церковь, и школу, и все остальное, лишь поэт может символизировать время. Конечно, Вознесенский не один, ухо Политехнического слышит всех, но ведь поэты вечно бродили стайками...

Сейчас люди снова начинают читать. И не только деловую литературу или, например, романы о рождении Тухлого (Пухлого, Дохлого, Чахлого — нужное подчеркнуть). Люди читают стихи.

Стихи были и будут нужны. И Вознесенский нужен сейчас не меньше, чем лет тридцать назад. Вознесенский, разумеется, не XX век. Но часть его. И часть России. Необходимая часть. И неотделимая.

Вознесенский всегда удивлял. Неожиданностью образов, рискованностью экспериментов, синтетичностью и синкретичностью, смешением красок. В знаменитой,

почти «мушкетерской» троице Евушенко—Ахмадулина—Вознесенский последний казался менее всего лириком, менее всего «просто поэтом». Вознесенского (и он давал тому повод) считали певцом урбанизма, научно-техническим революционером, не творцом, а строителем поэтического слова. И не видели порой столь, казалось бы, очевидного: *«Ты музыка счастья, я нота разлада. // Ну что тебе надо еще от меня?»*

Вознесенский пластичен, ярок, ясен, но за «лесами» словесных конструкций у него вырастает не современное 125-этажное здание с пустыми окнами, а домик максимум в три этажа: чтоб были видны цветы и аквариум на подоконнике.

Ты молчалась ли на ночь, берега?

Вы молчились ли на ночь,

запрокинутые озера

Сенеж, Святязь и Нарочь?

Конечно, Вознесенский конструктор, метафорист. Но не в меньшей, если не в большей, степени он и поэт-традиционалист, поэт-реалист. И, в общем-то, тихий лирик. Что же касается видеом, гаданий по

книге, эскизениализма, или того, что 15 марта его выбрали в Папы российского авангарда (АВАНГАРД-ДАРГАВНА-ДВАРАНГА etc.), так Вознесенский же не просто лирик, не просто реалист, а поэт. И у него свой собственный мир. Мир, может быть, не Куинджи, а Казимира Малевича, мир васильков Шагала, но все равно мир — живой, настоящий. Мир народных абстракционистов с кубиками и ромбами, мир Юноны и щенка по имени Авося, мир райкомов в рококо и коровников в амурах, мир Сфинкса, решающего кроссворды, кухарки Хахакири, Главболтдепартамента, культпросветвышибал и скрымтымным.

Так что не зря Высоцкий пел:

От наших лиц остался профиль детский,

Но первенец был сбит, как птица влет.

Привет тебе, Андрей, Андрей Андрейч Вознесенский,

И пусть второго Бог тебе пошлет.

Ну что ж, не славы и не коровы. Нолики любят ставить крестики.

Дыр бул шил.